

Экспериментатор

В середине 90-х режиссёр Андрей И снял фильм «Научная секция пилотов» – о терактах в метро. Фильм на шумел, но как утопия. А вскоре серия подобных терактов прокатилась по всему миру. «Никакого дара провидения, – резюмирует Андрей И. – Чистая аналитика». Но кино с тех пор не снимает. Почему?

НИНА ИВАНОВА

– Вам не повезло, если вы не жили в эпоху перемен 90-х. Страшно замечательное время. Я напоминая. Поколение сегодняшних 50-летних мэтров – Фёдор Бондарчук, Иван Охлобыстин, Максим Осадчий, – в начале 90-х мы все учились на параллельных курсах ВГИКа. Безумствовали и мечтали о кино, которого... не было. Прокат развалился, зрители в кино не ходили – кинотеатров нет! Денег на кино никто не давал – надо было самим добывать. Но не снимать мы не могли... Помню, как дико позавидовали одному парню, который вдруг нашёл огромную сумму на свой проект. Думали – ну как же повезло! Но прошло полгода. И выяснилось: деньги дали криминальные структуры, которые потом вдруг передумали и попросили их обратно. А он всё уже потратил. Больше мы этого парня не видели...

Кто-то зарабатывал, делая клипы и рекламные ролики. Снимали, как маленькое кино! Я дружил тогда с Тимуром Бекмамбетовым. Тимур тратил на съёмку 30-секундного ролика столько плёнки, сколько могло хватить на полнометражный фильм. Мог себе позволить! В рекламе денег было немерено... Я тоже прошёл через рекламу, клипы, в том числе предвыборные. Это была моя история – клип «Наш дом Россия». Работу принимал сам Черномырдин в студии у композитора Алексея Рыбникова на Арбате. И вот приехал... Начали просмотр. Ждал, что обязательно начнутся капризы: это не то, то не то... А Черномырдин посмотрел и быстро подвёл черту: «Ну что, нормально». Потом посмотрел на меня: «О, какие у тебя интересные татуировки. А у меня тоже есть...» Тут же показал свою – из армейской жизни. Накрыли стол, сели, выпили. Хороший был мужик...

Ну как человек может относиться к своей молодости? Конечно, как к великой сказке, которую уже не вернёшь. И 90-е, несмотря ни на что, для меня всё равно восторг. Было же безграничное поле возможностей. Мы делали что хотели.

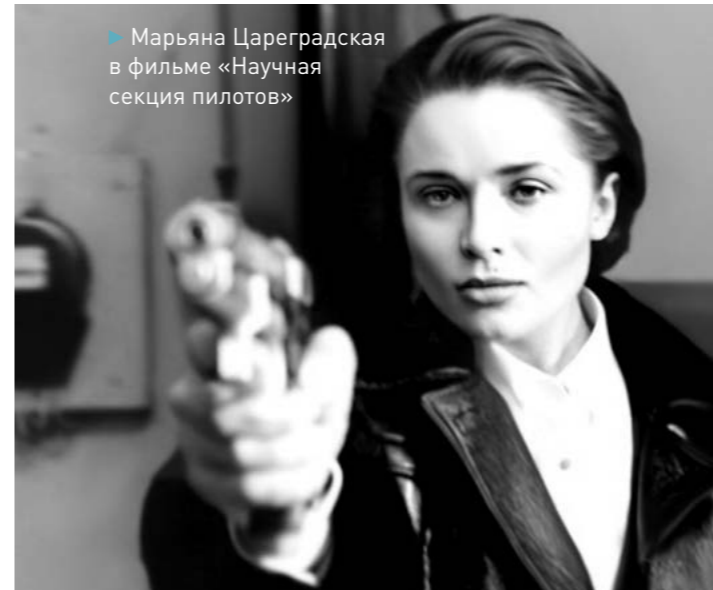
И никто нас не ограничивал – а потому что некому было! У нас в полном смысле слова была возможность делать новое российское кино. Что из этого получилось – это уже другая тема. Но весело было.

Я привык надеяться только на себя. Меня с детства учили быть осторожным, осмотрительным, хитрым, но в то же время воспитывали физически развитым, почти по-спартански. Иногда пороли. И когда пришло время сказать: «Я мужчина», – это означало, что я сам отвечаю теперь за свою жизнь и жизнь тех людей, которых веду за собой.

Я чётко понимал тогда: если не стану известным режиссёром, зачем учился профессии? Да, ситуация в кино патовая. Ну, значит, надо ещё больше включать выдумку! На первый свой фильм деньги я нашёл удивительно просто. Пришёл в банк и на голубом глазу заявил: «Дайте деньги на кино». Видимо, банк уже загибался и им нужно было куда-то списать энное количество тугриков, поэтому мне дали буквально тут же и без всяких расписок! Это был первый шаг. Дальше, нужно было придумать кино, от которого у всех снесёт башку. То есть если делать ужастик, то такой, чтобы в зале во время просмотра людей тошнило. Идея фильма была бредовой. Но именно так и надо было поступать в те 90-е годы. И я своего добился: человека два-три на «Конструкторе красного цвета» реально стошнило. Эффект стоил того: я сразу стал известным, фильм показали на Московском фестивале наравне с фильмами мэтров мирового уровня. Я тогда ко всему прочему ещё и сознательно выстраивал свой имидж: ходил в псевдовоенных мундирах – эполеты, галифе, лампасы... Эпатировал! Ради чего? Да чтобы на улице каждая собака узнавала! Эпатаж как приём действовал тогда безотказно. При этом я прекрасно понимал: эпатаж – это часть игры, но это и клеймо. А клеймо нужно переплавить в визитную карточку новатора. Сделав суперпроект – дорогой, с хорошими, популярными актёрами и внятным сюжетом.

▶ Съёмки «Искателей» – потрясающий опыт по мобилизации себя

▶ Марьяна Цареградская в фильме «Научная секция пилотов»

▶ Уполномоченный по туризму в Якутии Андрей И

Так родилась идея фильма о терроре «Научная секция пилотов». Но где будут происходить страшные события фильма? Конечно, там, где этого не может быть по определению в Москве – в метро! Чтобы получить разрешение на съёмки, надо было познакомиться со сценарием тогдашнего руководителя метрополитена Дмитрия Гаева. Как он был взбешён, прочитав материал! «Вы понимаете, что это не просто абсурд! Намного вероятнее террор на Луне, чем в московском метро!»

Это уже потом секта Сёко Асахары «Аум Сенрикё» проведёт свою атаку в токийском метро, потом будет серия террористических актов в Москве, и не только в Москве... И уже спустя много лет очень уважаемый мною человек из ведомства на Лубянской площади пожмёт мне руку и очень скупно отметит: «Вы очень хороший аналитик».

Несмотря на странность сценария, нам с продюсером Анной Сёмкиной удалось собрать суперкоманду – лучших в своём деле. Без преувеличения – киноклассиков: оператора Игоря Клебанова и художника Виктора Петрова. На одну из главных ролей был приглашён основатель «Чёрного обелиска» рок-музыкант Анатолий Крупнов... Музыкой для фильма увлёкся безумно популярный в то время Сергей Курёхин. Также согласились сниматься замечательные Виктор Павлов и Лидия Федосеева-Шукшина. Но главной удачей была неизвестная, но очень точно угаданная мной главная актриса – Марьяна Цареградская.

Марьяна появилась неожиданно, сразу и навсегда. Помимо обаяния и хорошей актёрской школы у неё была смелость и дерзость. В ней было всё, что нужно интересному актёру, – она была разрушительницей всех известных канонов. Помню, был момент, когда мне стало за неё очень страшно. При подготовке к очередному кадру Марьяна сидела на своём персональном стульчике главной героини. Учила текст. В порыве репетиции от её неосторожного движения сценарий упал на пол. Марьяна нагнулась. И в этот момент мощный порыв воздуха, а в туннелях очень сильный ветер, сорвал с осветительного прибора дюралевый крут светового ограничителя. Словно запущенная умелой рукой ниндзя, эта массивная тарелка с бешеной скоростью врезалась в бетонную стенку прямо за спиной Марьяны. Если бы она не нагнулась, то дюралевый диск врезался бы в голову...

Фильм получил приз прессы на фестивале «Киношок» и премию «Ника». Я добился того, о чём мечтал. И... понял, что должен отказаться от этой жизни. Постараюсь объяснить. Кино, конечно, ужасный наркотик. Режиссёр создаёт свою реальность. Создаёт с помощью механизмов – в данном случае это живые люди. Ты из актёра лепишь всё, что хочешь. Ты можешь заставить человека заплакать, упасть, извлекаться в грязи. И очень сложно не перейти тут грань – своей власти. А грань очень

тонкая. И многие её переходят, потому что это упоительно – чувствовать себя властителем человеческих судеб.

В фильме был такой эпизод: начальник метрополитена, её играла Лидия Федосеева-Шукшина, в своём кабинете должна была кормить аквариумных рыбок. Только рыбки были не простыми – настоящие пираньи. А кормом были здоровенные мадагаскарские тараканы. Начальница жёстко накалывала бедняжек острым шилом и отправляла в аквариум. В одном из дублей шило упало в воду. Аквариум был солидных размеров, и для того, чтобы достать шило, нужно было опустить в воду руку по локоть... среди голодных пираний. Добровольцев не находилось, а время шло. Ситуация становилась трагикомичной, но оставалась безвыходной. И тут в зале появилась штатная уборщица (съёмки проходили в здании Театра Советской армии). Второй режиссёр Оля Аносова совершенно дежурным, мало эмоциональным и одновременно командным голосом, спокойно произнесла: «У нас шило в аквариум упало. Доستانьте». Старушка – пенсионерка, ветеран труда, вечная труженица – закатала рукав и, не подозревая об опасности, опустила руку в аквариум. Не надо говорить, что для всех присутствующих это было шоу «Хочу посмотреть, как едят человека». Движения пальцев, как любое движение, – это сигнал для хищника. А у стаи хищников первое же нападение превращается в страшную массовую атаку. Пираньи, как акулы, не останавливаются, укусив жертву. Они на скорости вырывают куски мяса, не успев всё проглотить, разворачиваются и снова устремляются к жертве... Уже через несколько секунд наступает болевой шок, и нередко печальный финал – сердечный приступ. В нашем случае пираньи не только не напали – они испугались и забились в дальний угол аквариума. Через несколько секунд проблема была решена.

В отличие от большинства присутствующих в зале я знал об этой опасности. Но не остановил старушку. Почему? Тогда я действовал интуитивно. Только сейчас пытаюсь рассуждать. Мне кажется, что режиссёр принципиально отличается от обычного руководителя, директора завода или начальника автоколонны. Каждодневная непредсказуемость событий незаметно навязывает режиссёру уверенность в том, что он в какой-то мере сверхчеловек. Страшная профессия, она настолько глубоко впивается в подсознание, что начинается проявляться негативом своей исключительности и в обычной жизни. И третьего не дано. Или режиссёр должен абсолютно, до последнего атома быть нацелен на профессию, на достижение результата, или быть на четверть папой, на четверть мужем, на четверть хорошим человеком и... Но на четверть быть режиссёром нельзя.

Был и ещё один важный момент, который заставил меня отказаться от прежней жизни. Мне сделали предложение, от которого невозможно было отказаться, – стать ведущим в программе «Искатели». Понимаете, игровое кино – оно развлекает, но по большому счёту ничего нового людям не даёт. Другое дело документальное кино, в том числе связанное с путешествиями, – это классическое познавательное кино. Ты рассказываешь людям о чём-то новом. И это та миссия, за которую не стыдно, – достойная миссия.

Весь мир в кармане

Вы не представляете, какой это кайф: возможность поехать в любое место, увидеть места, которые до тебя вообще никто не видел. Ощущение пространства, доступного пространства, когда ты властен не над людьми, а над ситуацией, – даже больший наркотик, чем кино.

Десять лет я был ведущим «Искателей». Каждая неделя – новая тема, новые поиски. Потрясающий был опыт со всех точек зрения, в том числе – мобилизации себя. Я в каждую тему вживался с восторгом. Удивительная была командировка к подземному затопленному городу Демидовых на Алтае. Мы же действительно нашли его и первыми с эмчеэсниками туда попали. Может, до конца и не опустились, но своими глазами видели древние деревянные упряжи. Причём, помню, мне оператор говорит: «Ну, дотронься до неё!» Я дотрагиваюсь, а она вмиг рассыпается у меня в руках в пепел. Или поход к могиле Чингисхана на юге Читинской области. Местные привели нас к холму: «Вон там! Но вы же помните про могилу Тамерлана...» Кто вскроет могилу Тамерлана – выпустит на волю духа войны... Было же такое прочество. И действительно, после того как могилу открыли, началась война. И местные продолжают: «Мы туда не ходим и вам не советуем». Послушались. Конечно! Я к таким вещам отношусь со всей серьёзностью. Я же шаманист...

По прозвищу бог

Мама у меня русская, а отец маньчжур, и вся психофизика у меня именно в отца, сознание просто заблокировано восточной философией. С отцом мы крайне мало обсуждали историю рода. Только став взрослым, по разрозненным кусочкам я стал собирать пазл. Выяснил, что по отцу я потомок древнего маньчжурского рода. Мой иероглиф пишется по-другому, чем у Пу И. Наша фамилия означает одну из иерархических ступеней шаманизма. В 33 года я прошёл инициацию. У маньчжуров моего клана она связана со специальными знаками, которые наносятся на тело. Процедура очень болезненная. На животе делают разрезы, потом сдирают болячки, режут снова. Похоже на особую татуировку. Сейчас мой официальный

титул – живой бог Маньчжурии. Но это светский титул, как вы понимаете. В шаманизме бог – великое небо, великая природа, которая над тобой. Никакой нормальный шаманист не будет считать богом самого себя. И конечно же, в жизни я никаким шаманством не занимаюсь. Я верю в эту религию, в шаманский культ. Но никогда не выступаю и не ряжусь, будто я жрец. Я не говорю уже о том, что за это и поплатиться можно.

Я раньше любил бросаться фразой: «Что ни делается, всё к лучшему». Однажды на телевидении встретил знакомую, и она вдруг поделилась со мной: «Сын попал в автокатастрофу, жив, но ужас, что мы пережили...» Надо было утешить, и я на автомате сказал: «Ну, что ни делается, всё к лучшему». И вот, как только сказал, у меня внутри будто что-то щёлкнуло. И сам себя отругал потом: а справедливы ли эти слова, уверен ли я, что эта формула работает в жизни? А через день у меня погибла жена, её сбил поезд. И я сразу вспомнил ту встречу: какие глупые слова... А жена, замечу, погибла в особый шаманский день, и именно тогда, когда стала писать сценарий о шаманах. Я стараюсь жить, а в этот мир не вторгаться...

В Якутии есть академическое издание. В нём собрана вся информация, которая известна о шаманах. А надо сказать, что все самые известные шаманы жили именно в Якутии. И вот в этом академическом издании чёрным по белому написано: «Если в лесу вы увидите арангас (шаманская могила. – Прим. авт.), ни в коем случае не подходите близко и тем более не планируйте таких визитов». Для нас это закон. О шаманах говорим с большим почтением. Это для человека из Москвы смех, а здесь так живут.

Есть такой Маньчжурский свод – набор мудростей. В нём, к примеру, написано: «Убивший тайну не жди большего греха». Признаю, от этого правила, в силу своей искательской работы, бывало, что отступал. В оправдание скажу, что ни одной тайны я так до конца и не разрушил. Хотя и делал серьёзные попытки. В Якутии есть Долина смерти. Там находятся огромные, двух-трёх метров в диаметре, медные перевёрнутые котлы. Считается, что в них можно ночевать, и многие ночевали. Правда, после этого все отмечали симптомы лучевой болезни. Версий происхождения котлов было множество. Без инопланетян, как вы понимаете, тоже не обошлось. И эта версия постоянно подпитывалась – в результате туристы в эти места ходят толпами, исследователи снаряжают группы. А я выяснил – это природное образование правильной формы, камни по сути, но с примесью меди, поэтому покрыты медной патиной. И понятно, как психологически раскручиваются такие мифы: эвенки большую часть информации передают из уст в уста. И вот, скажем, один из эвенков пошёл в степь, увидел, потом рассказал другому: видел нечто по-

добное котлу. Этот другой, уже без всяких «нечто подобное», дальше рассказал: в степи видел котёл! И пошло-поехало. На выходе появляется легенда. Я не смог справиться с искушением, даже статью об этом написал. Попытался развенчать легенду. Но тайну убить нельзя, в этом сила настоящей тайны. Люди так и продолжают повторять – у нас в Долине смерти были инопланетяне!

Культ Севера

Творческому человеку важно как можно чаще делать в жизни крутые повороты. Поэтому, когда мне предложили стать уполномоченным по туризму в Якутии, – с радостью согласился! Я родился в Якутии, и вернуться сюда было сродни возвращению к самому себе. К тому же с опытом понимаешь – заниматься надо только тем, от чего глаза горят, и жить только там, где чувствуешь – вот твоё место силы. Я не сразу к этому пришёл. А подтолкнул к этому один из последних походов с программой «Искатели».

Мы делали передачу про Гоголя. Нашли под Винницей храм, который сейчас стоит в чистом поле: здесь родители Гоголя, можно сказать, намолили его, у них же долго не было детей... Перед этим храмом решили делать съёмку, я должен был наговорить на камеру текст. Вдруг выяснилось, что редактор забыла, как точно называется храм. А на храме, как положено, висит табличка. Но расстояние было слишком большое, чтобы увидеть, а место огорожено кованым забором, калитка заперта. Я предложил – перелезу через забор, две минуты, и всё узнаем. Начал перелезать, и подо мной обламывается прут. А забор – весь из острых пик... Я падаю на пики, они врезаются в ноги, и я мешком висну на заборе. Оператор бросил камеру, толкнул меня снизу, я перевалился через забор. Чувствую – теряю сознание, но успел ремнём перевязать ноги, чтобы остановить кровотечение. А вокруг – никого. Вдруг чудом заметили девушку на скутере, она съездила за подмогой. Привезли меня в фельдшерский пункт. И ясно – до Винницы меня уже не довезут. Надо срочно делать операцию. А анестезии – нет... В кино обычно в подобном эпизоде деревяшку вставляют между зубов. Мне деревяшку никто не дал. Ничего, пережил... Но надо признать, сознание у меня сильно встряхнулось после этого происшествия. Будто меня кто-то сверху осадил, показал – откуда брать новые силы.

Сейчас я занимаюсь пропагандой якутской культуры. Невероятно интересно! Я же самый главный патриот Якутии.

Маньчжурский свод заканчивается такой фразой: «Ничего не бывает рано, ничего не бывает поздно, всё бывает только вовремя». Верю в это абсолютно. Как и в то, что реальная жизнь гораздо непредсказуемее и круче любого, даже самого фантастического кино. ☉